

ПОКА НЕ ПОГАСНУТ
ДВЕ ЛУНЫ

— ТОМ 1 —

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Dayana Rey

Пока не погаснут две Луны. Том I

<https://litres.ru/74514752>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лунара должна была стать женой эльфийского принца и спасти своё царство выгодным браком. Но в день помолвки во дворец врываются вампиры, а сама она оказывается пленницей Каэля — опасного, самоуверенного офицера, который смотрит на неё так, будто уже знает, чем закончится их история.

Она ещё не догадывается, что впереди её ждёт не только чужое царство, но и встреча с Астерионом — наследником вампирского трона.

Два мужчины. Два совершенно разных желания. И одна эльфийка, которая всю жизнь мечтала однажды потерять контроль.

Под двумя лунами Ортавейры начинается история, где любовь может оказаться опаснее войны, а выбирать между двумя мужчинами — вовсе не обязательно.

Содержание

Глава 1. До встречи с тьмой.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	27

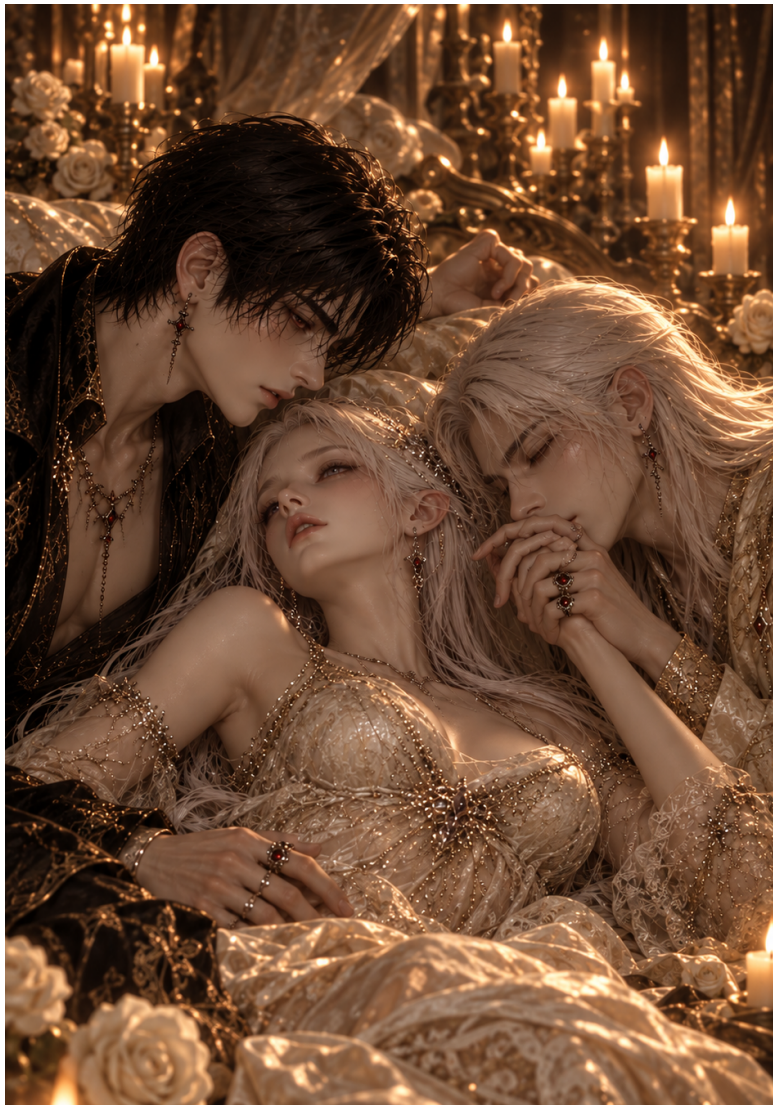
Dayana Rey

Пока не погаснут две Луны. Том I

Глава 1. До встречи с тьмой.

Примечание автора: Все герои этой истории, участвующие в романтических, эротических и сексуальных сценах, являются совершеннолетними. Лунаре около двадцати тысяч лет, Каэль и Астерион также давно достигли совершеннолетия и старше восемнадцати лет.

Лунара сидела между двумя обнажёнными мужчинами и впервые за очень долгое время совершенно не знала, куда деть глаза, хотя смотреть, если быть откровенной хотя бы с самой собой, было куда.

Каэль и Астерион находились настолько близко, что она чувствовала тепло обоих, однако куда сильнее ощущалось напряжение между ними. Мужчины едва терпели присутствие друг друга рядом с ней, и то, что когда-то начиналось с ревности, давно превратилось в почти яростное соперничество. Каждый пытался удержать её ближе, перетянуть внимание на себя, заставить забыть о втором и доказать — прежде всего друг другу, — чьи прикосновения она всё-таки предпочтёт, если однажды придётся выбирать.

Проблема заключалась в том, что Лунара выбирать не хотела.

Она уже слишком хорошо знала их обоих, чтобы её мысли оставались хоть сколько-нибудь невинными. Память услужливо подбрасывала то, что происходило между ней и каждым из этих мужчин прежде, а близость второго делала воспоминания только опаснее. Когда обе пары рук оказывались рядом с её телом, Лунара невольно возвращалась к давним ночным фантазиям о том, что четыре сильные мужские руки могли бы сотворить с одной женщиной, если бы их обладатели хотя бы ненадолго перестали ненавидеть друг друга.

Когда-то она пыталась заглушить подобные мысли сама, а после с привычным спокойствием убеждала себя, что больше никогда не позволит воображению заходить настолько далеко. Теперь же фантазия обрела два совершенно реальных лица, два тела и такую неистовую взаимную ревность, что Лунара уже не понимала, чего здесь больше — желания или стремления каждого доказать своё превосходство.

И самым безумным было то, насколько сильно ей нравилось и то и другое.

Она посмотрела сначала на Каэля, затем на Астериона и неожиданно подумала только об одном: что же она такого сделала в своей жизни, чтобы всё пришло именно к этому?

Потому что начиналось всё совсем иначе.

Лунара Эвелин родилась в Эйларене, одном из древнейших эльфийских городов Ортавейры, и детство её прошло среди светлых дворцовых галерей, садов, книг и наставников, которых отец приглашал из разных земель. У неё были лучшие лекари, лучшие учителя, комнаты, выходившие окнами к реке, наряды, из которых она успевала вырастать раньше, чем некоторые впервые надевала, и целая вереница слуг, готовых исполнить любое разумное желание царской дочери.

Родители тоже присутствовали в её жизни, хотя чаще — через решения, принятые ради неё. Отец выбирал наставников, следил за охраной, интересовался успехами и ещё задолго до того, как Лунара начала задумываться о будущем, уже строил его за неё на десятилетия вперёд. Мать следила за воспитанием, придворными привычками и тем, чтобы дочь знала всё, что однажды понадобится женщине её положения.

Просто вечерами рядом с кроватью обычно сидел кто-то другой.

Отцовские объятия сохранились в памяти лишь вместе с отъездами и возвращениями, когда даже строгий дворцовый этикет допускал чуть больше тепла. Материнские поцелуи перед сном вспоминались ещё хуже — обрывками, настолько давними, что Лунара уже не всегда была уверена, принадлежали они настоящему воспоминанию или той версии собственного детства, которую она привыкла считать правдой.

Зато Мирель в этих воспоминаниях почти никогда не исчезала.

Когда-то её приставили к маленькой принцессе в качестве няни, однако с годами это слово перестало что-либо объяснять. Мирель расчёсывала Лунаре волосы, рассказывала сказки, оставалась возле кровати во время болезней, вытирала кровь с разбитых коленей и без всякой жалости сообщала, что падение с садовой стены не становится менее глупым только потому, что царская дочь очень хотела посмотре-

реть, что находится с другой стороны.

Она же терпеливо объясняла, почему взрослые при дворе могут несколько минут любезно улыбаться человеку, которого за закрытой дверью называют последней сволочью, и почему некоторые вопросы лучше задавать дома, а не во время официального приёма.

К Мирель Лунара приходила после страшных снов, ей приносила первые понравившиеся книги и перед ней спустя много лет призналась, что предстоящий брак волнует её значительно меньше, чем, по мнению окружающих, должен волновать молодую женщину.

Своё детство Лунара никогда не считала несчастливym. Для этого в нём было слишком много хорошего. Она росла окружённой людьми, которые заботились о ней, училась всему, что её интересовало, могла часами пропадать в библиотеке и знала: если заболит, испугается или действительно попадёт в беду, рядом обязательно кто-нибудь окажется.

Просто довольно рано она перестала ждать от родителей того, что легче всего получала от Мирель.

Со временем Лунара просто научилась справляться сама. Если что-то причиняло боль, она предпочитала пережить первое острое чувство, а уже потом решать, стоит ли вообще о нём говорить. Чужая грубость редко заставляла её отвечать сразу; куда полезнее казалось понять, хотел ли человек действительно задеть её или просто оказался слишком глуп, чтобы подобрать другие слова.

Даже злость редко делала её громче. Обычно происходило обратное: чем сильнее Лунара сердилась, тем внимательнее следила за тем, что говорит.

При дворе это давно приняли за холодность, и переубеждать кого-либо она не видела смысла.

Только одно совсем не вязалось с той холодностью, которую ей приписывали окружающие: Лунара хотела любви совсем не такой, какую с детства предлагали считать разумной.

Не спокойного уважения двух достойных людей, не союза, в котором постепенно привыкают к чужому присутствию, и уж точно не отношений, удобство которых можно было перечислить по пунктам на заседании совета. Ей хотелось однажды потерять привычную ясность хотя бы рядом с одним человеком; узнать, каково это — ждать прикосновения, а не терпеливо принимать его, хотеть поцелуя раньше, чем мужчина успеет приблизиться, и хотя бы раз не иметь готового объяснения собственным чувствам.

Для женщины, чью будущую свадьбу обсуждали почти так же, как новый торговый договор, такие желания могли казаться излишне романтическими, но отказываться от них только потому, что они плохо вписывались в государственные планы, Лунара не собиралась.

Тем более ради мужчины из Саэрвейна, которого отец решил сделать её супругом.

В то утро наследный принц соседнего царства должен был официально просить её руки.

Лунара стояла у высокого окна своих покоев и смотрела на просыпающийся Эйларен, пока две служанки расправляли складки длинного серебристого платья. За стеклом светлые башни поднимались над садами, тонкие мосты соединяли берега широкой реки, а над дальним лесом ещё держался утренний туман. Одна из двух лун Ортавейры уже растворялась в дневном свете, вторая всё ещё проступала над горизонтом бледным полупрозрачным кругом.

Мирель наблюдала за воспитанницей через зеркало достаточно долго, чтобы Лунара первой заметила её выражение.

— Если вы продолжите смотреть на улицу с таким лицом, мне придётся решить, что вы всерьёз размышляете о побеге. Только очень вас прошу, не через окно. Я слишком долго вас растила, чтобы в итоге объяснять вашему отцу, почему его дочь предпочла падение со второго этажа помолвке.

Лунара встретилась с ней глазами в отражении.

— Не думаю, что отец оценит разницу между побегом через дверь и побегом через окно. В обоих случаях совет объявит это политическим заявлением и посвятит обсуждению остаток недели.

— Тогда хотя бы не доставляйте им такого удовольствия.

Служанка, затягивавшая пояс платья, перестаралась, и Лунара медленно выдохнула, почувствовав, как плотная ткань впилась в талию.

— Чуть свободнее, пожалуйста. Я собираюсь присутствовать на собственном сватовстве и предпочла бы сохранить

способность дышать хотя бы до того момента, когда мне предложат добровольно согласиться на всё остальное.

Девушка торопливо ослабила пояс и принялась извиняться, но Лунара заверила её, что ничего страшного не произошло.

Когда приготовления наконец закончились и служанки вышли, Мирель сама поправила тонкую серебряную цепочку в светлых волосах воспитанницы. Закончив, она не сразу убрала руки с её плеч.

— Вы всё ещё можете отказаться. Я знаю, вам хочется сначала выслушать всех до конца, понять доводы отца, совета, послов Саэрвейна и, вероятно, ещё половины дворца, но иногда собственного нежелания уже достаточно.

— Для меня — достаточно. Для них — нет. Если я скажу «нет» ещё до появления принца, совет к вечеру убедит себя, что я молода, упряма и просто не понимаю последствий. Пусть сначала изложат мне всё, чем собирались убеждать, а потом им придётся выслушать ответ.

Мирель посмотрела на неё внимательнее.

— Вы с детства так делаете. Даже когда человек поступает с вами плохо, сначала пытаетесь найти причину, потом оправдание и только в самом конце вспоминаете спросить себя, чего хотите вы.

— Я прекрасно знаю, чего хочу. Просто меня столько лет учили, что желание царской дочери никогда не касается только её самой, что было бы странно внезапно перестать

учитывать последствия. Возможно, когда-нибудь мне это надоест, но сегодня ещё не тот день.

Наследника Саэрвейна Лунара знала достаточно хорошо, чтобы проблема не сводилась к страху перед незнакомцем.

Он был старше её на несколько тысячелетий, что среди долгоживущих эльфов звучало куда внушительнее, чем ощущалось на деле; если перевести эту разницу на человеческую жизнь, получалось бы примерно два десятилетия. Но возраст никогда её не тревожил.

Тревожило другое: рядом с ним она не чувствовала ровным счётом ничего из того, чего ждала от мужчины, с которым могла провести несколько тысяч лет.

Он был хорошо воспитан, образован, говорил правильные вещи в правильный момент и владел той безукоризненной учтивостью, которой особенно гордились старые эльфийские рода. Лунара могла перечислить десяток его достоинств и не найти ни одного серьёзного недостатка, которым можно было бы объяснить собственное нежелание выйти за него.

Когда принц касался её руки, она спокойно ждала, когда сможет её забрать. На комплименты отвечала так же вежливо, как десяткам других придворных, а во время одного из разговоров о будущей жизни в Саэрвейне поймала себя на том, что устройство местной библиотеки интересует её заметно сильнее перспективы однажды делить с этим мужчиной постель.

Даже неприязни к нему не было — лишь вежливое, устойчивое равнодушие, от которого перспектива долгого брака становилась особенно тоскливой.

— Вы снова о нём думаете, — сказала Мирель.

— Пытаюсь представить следующие несколько тысяч лет своей жизни и пока лучше всего вижу одно: каждое утро мне придётся убеждать себя, что однажды я всё-таки почувствую то, чего сейчас нет.

Мирель положила на стол оставшуюся шпильку.

— Ваш отец действительно считает этот союз необходимым.

— Я знаю. Для него этот брак давно перестал быть разговором обо мне. Теперь это армии, границы, торговые пути и вампирские земли. И я даже не сержусь на него за это, потому что понимаю, почему он думает именно так. Мне просто хотелось бы хотя бы один раз оказаться в ситуации, где моё будущее не является самым удобным пунктом государственного договора.

Мирель помолчала.

— Он вас любит.

Лунара провела пальцем по тонкой вышивке на рукаве.

— Наверное. Просто отец всегда лучше умел защищать царство, чем показывать любовь собственной дочери.

Она говорила об этом без прежней детской обиды. Отец заботился о ней так, как умел: заранее думал об опасностях, выбирал лучших людей, планировал её будущее на десятиле-

тия вперёд. Иногда Лунаре хотелось, чтобы вместо очередного тщательно продуманного решения он просто пришёл к ней без всякой причины, но требовать от него человека, которым он никогда не был, она давно перестала.

К полудню дворец преобразился. В главной галерее появились знамёна двух домов, слуги расставили высокие чаши с белыми цветами, а количество стражников у внутренних ворот почти удвоилось. Делегация Саэрвейна прибыла незадолго до того, как солнце поднялось над центральной башней, и из окон западной галереи Лунара увидела всадников в светлых плащах, въезжавших во двор.

Наследный принц ехал впереди. Даже издалека его было легко узнать по длинным серебристым волосам и привычно прямой осанке.

— Ты смотришь на него так, словно пытаешься решить, осталось ли ещё время всё отменить, — раздался рядом голос отца.

Лунара не слышала, как он подошёл.

— А оно осталось?

Царь встал рядом и тоже посмотрел вниз, на прибывающих гостей.

— Я обещал, что сегодня никто не станет требовать от тебя немедленного ответа, и намерен сдержать слово. Но притворяться, будто мне безразлично, каким будет этот ответ, тоже не стану.

— Ты хочешь услышать согласие.

— Да. Я слишком долго занимался этим союзом и слишком хорошо понимаю, что он способен дать нашим землям, чтобы теперь изображать беспристрастность.

Лунара повернулась к нему.

В последнее время усталость на его лице стала заметнее, особенно после затянувшихся советов о северных границах, и сегодня она вдруг увидела её особенно ясно.

— Я понимаю, почему ты этого хочешь. Мне известно, что происходит на севере, я читала донесения о нападениях на караваны и знаю, почему совет считает союз с Саэрвейном самым быстрым способом показать вампирским кланам, что дальнейшее давление будет иметь последствия. Мне не нужно ещё раз объяснять пользу этого брака.

— Тогда я прошу тебя только об одном: не отвергай человека заранее. Несколько официальных встреч редко позволяют узнать кого-либо по-настоящему.

— Возможно. Но меня пугает не то, что я недостаточно хорошо его знаю.

Отец повернулся к ней, и Лунара ненадолго замолчала, подбирая слова. Ей не хотелось снова превращать разговор в спор между царём и принцессой, потому что сейчас она впервые за долгое время пыталась говорить именно с отцом.

— Мне страшно согласиться, прожить рядом с ним сотни или тысячи лет и однажды понять, что ничего не изменилось, что мне всё так же безразлично, войдёт ли он вечером в мою комнату, захочет ли прикоснуться ко мне, будет ли рядом

завтра. Я не хочу обвинять его в том, в чём он не виноват, но и себя не хочу всю жизнь убеждать, что одной порядочности должно быть достаточно для любви.

Отец отвёл глаза к двору.

— Ты думаешь, любовь обязательно должна появиться до брака?

— Нет. Но мне кажется, что хотя бы желание увидеть человека снова должно появиться раньше него.

На его губах появилась усталая улыбка.

— С этим спорить сложнее.

— Тогда не спорь.

— Ты очень легко предлагаешь это человеку, который последние несколько месяцев убеждал два десятка советников, что именно твой брак способен удержать границы от войны.

— Значит, теперь у тебя появится возможность объяснить им, что дочь оказалась менее удобным дипломатическим инструментом, чем предполагалось.

Отец тихо рассмеялся.

— Знаешь, твоя мать тоже никогда не соглашалась на что-либо только потому, что так удобнее окружающим, и за все эти годы почти не изменилась. Наверное, мне следовало раньше догадаться, что наша дочь унаследует ту же привычку.

— Мама хотя бы обычно получает то, чего хочет.

— Потому что умеет выбрать момент, когда я уже слишком устал продолжать спор.

— Значит, это хорошая семейная стратегия. Странно, что я не воспользовалась ею раньше.

Напряжение между ними немного ослабло. Отец опустил взгляд на её руку и накрыл её своей.

— Я не хочу сделать тебя несчастной, Лунара. Если бы речь шла только о землях или торговле, я бы не стал настаивать. Но я слишком хорошо знаю, сколько крови может пролиться, если начнётся настоящая война. Иногда мне приходится думать не только как твоему отцу, и поверь, мне самому это нравится гораздо меньше, чем тебе.

— Я понимаю. Наверное, поэтому всё и сложнее. Было бы намного проще, если бы ты оказался самодуром, который решил выгодно выдать дочь замуж.

— К сожалению, сегодня я не могу оказать тебе даже такую услугу.

Она улыбнулась.

— Тогда я выслушаю принца, а потом мы поговорим ещё раз. Только на этот раз я хочу говорить с отцом, а не с царём.

Его пальцы чуть сильнее сжали её ладонь.

— Хорошо. Обещаю.

Тревожный крик раздался раньше, чем кто-либо из них успел добавить ещё хоть слово.

Он пришёл со стороны дальних лесов — низкий, протяжный, на мгновение смешавшийся с музыкой во внутреннем дворе. Лошади внизу забеспокоились, несколько стражников одновременно подняли головы, а спустя несколько се-

кунд тот же звук повторился, теперь уже заметно ближе.
Над лесом появились тёмные точки.

Сначала их можно было принять за крупных птиц, но они слишком быстро увеличивались. Одна отделилась от остальных, раскрыла огромные кожистые крылья и резко пошла вниз.

Лунара узнала силуэт раньше, чем успела хорошо рассмотреть всадника на его спине.

— Нэвраны.

Отец мгновенно изменился в лице.

— Отойди от окна.

Почти одновременно над дворцом ударил колокол тревоги.

Музыка оборвалась посреди мелодии, во дворе слышались выкрики команд, прибывшие из Саэрвейна всадники начали спешиваться и тянуться к оружию, а тёмные крылатые хищники стремительно приближались к башням.

Теперь нэвранов уже можно было рассмотреть отчётливо. Они были значительно крупнее лошадей, с вытянутыми телами, покрытыми короткой тёмной шерстью, длинными хвостами и широкими перепончатыми крыльями, способными удерживать в воздухе не только самого зверя, но и вооружённого всадника. Вампиры веками разводили их для ночных перелётов и войны, и до этого дня Лунара видела этих существ лишь издалека.

Первый нэвран пронёсся вдоль западной башни.

Царь схватил дочь за руку и потянул в сторону восточно-

го крыла, но они не успели пройти даже половину галереи, когда поток воздуха с такой силой ударил в окна, что одно из них не выдержало. Стекло разлетелось по каменному полу, Лунара вскинула руку, защищая лицо, а отец почти одновременно заслонил её собой.

Где-то снаружи закричала лошадь.

Послышался тяжёлый удар, затем звон оружия.

Когда последние осколки перестали падать, Лунара выглянула из-за отцовского плеча.

Один вампир уже спрыгивал со спины нэврана на крышу боковой галереи, другой крылатый хищник снижался к балкону, а над центральной башней заходили на новый круг ещё несколько тёмных силуэтов.

Белые цветы, которыми с утра украшали внутренний двор, теперь валялись на каменных плитах. Лошади рвались с поводьев, люди Саэрвейна смешались с дворцовой стражей, кто-то тащил прочь опрокинутый стол, а над всем этим трепетали знамёна двух домов — те самые, ради которых ещё утром здесь готовили праздник.

Музыка больше не звучала, а сватовство, ради которого с самого утра готовили дворец, так и не успело начаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.